

ПРО-ЧИЖЕВСКА И КОНТРА-ОЛЬБРЫХСКИЙ

ВОЗЛЕ панорамного кинотеатра «Мир» — фестивальная толпица. Официальная информация такова: с 15 по 19 сентября в «Мире» проходит фестиваль польских фильмов. Дней у фестиваля — пять. И пять фильмов. Два из них сделаны известным польским режиссером Анджеем Вайдой. Это — «Березняк» и «Пейзаж после битвы». Анджеем Вайдой и актер Даниэль Ольбрыхский получили львиную долю «золота» на VII Московском международном фестивале — призы за лучшую режиссерскую работу и за лучшую мужскую роль.

Вместе с ними над фильмами работали актеры Ольгерд Лукашевич и Станислава Целинска. Он играл роль Станислава в «Березняке», она — героиню в «Пейзаже после битвы». Сейчас эти актеры представляют свои работы у нас в столице.

Знакомьтесь, перед вами ОЛЬГЕРД ЛУКАШЕВИЧ и СТАНИСЛАВА ЦЕЛИНСКА. Они признаны редакцией польского журнала «Экран» лучшими актерами года. Лукашевичу присужден, кроме того, приз этого журнала — имени Збигнева Цыбульского (статьи, перед этим приза был удостоен Даниэль Ольбрыхский). И так, к молодым польским актерам пришел успех.

— А какое было начало?

Целинска: — Два года назад окончила театральный институт. Снималась в фильме «Пейзаж после битвы» еще студенткой. Третий сезон работаю в Современном театре. Театр люблю больше. Быть может, потому, что просто еще не успела полюбить кино?

А на эту роль меня пригласили совершенно случайно. Я пела песенку на фестивале в городе Ополе. В зале был один из ассистентов Вайды. Ему из зала я показалась высокой и хмурой. Вблизи-то это далеко не так. Но он просто не стал создавать, что ошибся, и пригласил меня сниматься в фильме.

Лукашевич: — Сначала была у меня неудача в фильме «Дансинг в ставке Гитлера». Режиссер Витольд Саботинский обращал внимание в основном на пластическую сторону картины. Это перализовало меня полностью. После окончания театрального института в Кракове поступил в театр этого города. Главная моя задача была — преодолеть страхи сцены, страх перед рампой. Это было для меня настолько серьезно, что я собирался расстаться с профессией актера.

Счастливое стечение обстоятельств — режиссер Казимеж Куц пригласил меня сниматься в кинокартине «Соль черной земли». Это фильм о Силезии, а мы — и я, и Куц — оттуда родом. Тогда я почувствовал, что возвращаюсь в свои родные места, к себе как к человеку.

По стилистике этот фильм в какой-то мере похож на советский «Белая птица с черной отметиной». Куц снимал его сам, без готового сценария, и главная ставка была сделана на актеров.

(Польский режиссер Казимеж Куц, как принято говорить, «открыл» без словного талантливого актера Лукашевича. У Ольгерда семь ролей в кино. Но

одни, несостоявшиеся, — в пассиве, другие — в активе. Актив начался с работы у Куца. От этого режиссера Лукашевич пришел к Вайде. Поэтому позволю себе привести мнение Казимежа Куца об актере: «Он обладает редкой восприимчивостью и податливостью, детской откровенностью и беспомощностью, сосредоточенностью и не лучшим мнением о самом себе. Во время работы его нужно настраивать, как музыкальный инструмент, и тогда можно добиться необычайных тонкостей: перед камерой ему надо нащепывать, как боксеру между вторым и третьим раундами...».)

— По-моему, пора поговорить о вашей работе в фильмах Вайды.

Целинска: — В Польше, как вы, наверное, слышали, «Пейзаж» нашумел. Это плохо. Трудно знать, когда тебе доведется играть в столь же интересном фильме. Роль Нины для меня — и счастье, и несчастье. Я жила этой ролью долго. Мне не хотелось, чтобы она была просто прекрасной милой девушкой. У Вайды много таких героинь. Обычно это какие-то нереальные женщины, они изящно двигаются, их волосы (о, непременно детали!) развеваются по ветру... Хорошо, что наша умница — актриса Чижевска в фильме «Все на продажу» своей игрой показала Вайде, что женщина может быть активной. Я почувствовала, что продолжил эту работу — и сломала, по-моему, модель чудной женщины. Разве вам всегда нравится, как ведет себя Нина? Она первая подходит к поэту (его играет Даниэль Ольбрыхский) потому, что знает: только любовь может быть лекарством для его ран. Их много у человека, надломленного концлагерем. Нина верит в любовь безгранично, это ее сила. А сильно может любить только сильный...

Работать с Вайдой очень интерес-

но, но и нелегко. Он видит перед собой не столько роль, сколько собственное видение. Ему представлялась в роли Нины женщина, подобная Анне Маньяни. Я узнала об этом, когда роль была уже сыграна.

Когда Вайда посмотрел смонтированный фильм, он даже удивился: «Знаешь, очень логично получилось!».

Интересно мы снимали смерть Нины. Вайда с утра нервничал. Мы полностью зависели от солнца. Есть солнце — будем снимать мой эпизод, нет — снимаем другие. А эпизод, если помните, такой: Нина зовет за собой поэта, собирается перелезть через каменную стену, в нее стреляют, она падает прямо на камни. По щеке течет кровь.

Вайда должен был командовать — «Выстрел!», потом резко — «Голову назад!», «Кровь!» (это значит, что из пульверизатора на меня лилась «кровь»). Но... сигнал. Резкий голос: «Камерал!», «Прошу кровь!», «Стоп!».

Что случилось? Солнце блеснуло в камеру так, что Вайда (он, кстати, сам стрелял в меня) пришел в ужас. Решил, что попал! Кстати, это сумасшедшее солнце так и осталось в кадре.

Лукашевич: — Работа с Анджеем Вайдой придает актеру определенный вес. Участие в его фильмах — уже успех.

Но как с ним работать! Должен оговориться — с опытными актерами он умеет объясняться отлично. А с молодыми порой доходит до анекдота. «Березняк», как вы знаете, — это новелла Ивашкевича, поэтическая при этом. Текста — минимум, диалога почти нет.

Выхожу я на съемочную площадку. Вайда: — Прочитай этот кусочек и играй.

— Но там нет текста для меня, что играть? Где будет камера?

— Когда я узнаю, что ты будешь играть, тогда я поставлю камеру.

Импровизация! Совсе не хочу сказать, что все сам придумал в роли Станислава в «Березняке». Но это — манера Вайды. Он сам работает свободно, и так у него работают все. По вдохновению.

У Ольбрыхского это получается. Он уже несколько лет участвует в фильмах Вайды. Поэтому ничего удивительного нет, что он привык к его манерам. Почти все диалоги мы выдумали прямо

перед камерой. Правда, сначала Данек меня вел, старался говорить так, чтобы мне приходилось только отвечать на его экспрессивную тираду. Постепенно сравнялось.

Но играл я все время «контра-Ольбрыхский». Знал все роли, которые он играл до этой картины. Они немного похожи. Всюду это такой динамичный, стремительный тип. А мой Станислав — человек внутреннего, но внешнего действия. Он болен туберкулезом, но здоров душой. А его брат — абсолютно здоров физически, но болен психически. Им тяжело вместе.

В моей роли было легко сорваться на мелодраму. Человеку знает, что умрет. Живет по-прежнему, не считаясь с этим. При таком сюжете трудно не быть банальным. Ивашкевич в нескольких местах пишет про этого героя: «Он улыбался». Я взял эту улыбку как основу характера, взял на всю роль. Этот человек был свободен только в одном — мог выбрать способ смерти. Или впасть в истерику, или плакать, а мог смеяться. Он выбрал улыбку. Это его программа. Так он живет.

Потому на фортепьяно в фильме я играл шлягеры, а не настоящую музыку. Потому придумал себе раздражающую ослепительную улыбку. Знаю, что зрители могут обидеться, что за глупость такая, улыбка. Я должен был так оформить это лицо, чтобы не вызывать к герою лишь сострадание и жалость. Пусть возникнут смешанные чувства и даже недоброжелательность к нему. Так даже лучше.

— Чем собираетесь заняться в ближайшее время?

Целинска: — От опытных кинорежиссеров попадаю к совсем молодому. Буду сниматься у выпускника театрального института Трепка. И, конечно, театр...

Лукашевич: — Смейтесь сколько хотите, но после «Березняка» мне предлагают играть только больных. В октябре этого года могу играть в двух ролях на выбор: или астматика, или эпилептика. Правда, игра стоит свеч. Снимает фильм талантливый ученик Вайды Анджеем Журавский. Небольшую роль в своем новом фильме «Свадьба» мне предложил Анджеем Вайда.

Честно говоря, мне хочется избежать своего больного героя. Быстро изнашивается любая мысль.

В институте играл тангстера Бена в пьесе Г. Пинтера «Лавка самообслуживания». Вот это мужской характер. Seriously — хочу сыграть мужественного, сильного человека. И душевно, и физически...

Беседу вела Т. АЛЬТШУЛЬ.

Моск. комсомолец, 1974, 1975